

Вэй Анъюань лишился дара речи и раздраженно бросил:

— А тебе-то какое дело? Они ведь повязывают их для старших братьев-учеников ступени Кунь, так что не обольщайся!

Е Мяннь недовольно возразил:

— Мы ведь всего на пару лет их младше, ну и в чем разница? Давай поспорим! Вернемся сюда после полудня, и если на моей ветке не будет розовых лент, я на собственной спине спущу тебя с горы!

Ребята дружно рассмеялись и захлопали в ладоши.

Вэй Анъюань презрительно скользнул взглядом ниже пояса Е Мяння и пробурчал:

— Там внизу еще толком ничего не выросло, а уже о жене мечтает...

— Вэй Анъюань, не мели чушь! — вскипел Е Мяннь и бросился на него.

Вэй Анъюань не успел среагировать и повалился на землю:

— Да у меня всегда побольше твоего было! Хочешь достать и помериться?

Все покатались со смеху, а Ли Чжао и Жуань Юньшэн и вовсе согнулись пополам, держась за животы.

Пока Е Мяннь вовсю дурачился, он вдруг услышал, что кто-то зовет его по имени. Он обернулся и замер, а Вэй Анъюань воспользовался моментом, перевернул его и оседлал сверху.

Вэй Анъюань уже замахнулся, чтобы в шутку ударить его, но заметил, что Е Мяннь обмяк и перестал сопротивляться. Он тоже оглянулся и увидел приближающуюся группу из десятка человек из Двора Цинань. Мысленно чертыхнувшись, он поднялся на ноги и помог встать Е Мянню.

Оба они знатно извалялись в пыли и опавших лепестках. Е Мяннь наскоро отряхнул одежду, убрал пару листиков из волос Вэй Анъюаня и во главе компании из Двора Цижуй направился навстречу, чтобы поприветствовать князя Жуннаня.

Князь Жуннань лишь слегка приподнял уголки своих узких фениксовых глаз, окинул Е Мяння и Вэй Анъюаня быстрым взглядом и едва заметно кивнул в ответ.

Вэй Анъюань мысленно выругался, но Е Мяннь не придавал этому значения. Он с улыбкой посмотрел на окликнувшего его Лу Личжэна:

— Почему вы только сейчас пришли?

Лу Личжэн принялся помогать Е Мянню отряхивать пыль с одежды и ответил:

— Да мы давно уже здесь. Князь водил нас к наставнику Хуэйвэню, только-только вышли из его кельи.

Е Мяннь удивленно приподнял брови. Настоятель храма Куйюань, наставник Хуэйвэнь, был столь добродетельным и просветленным монахом, что даже сам Император выказывал ему глубокое почтение. Людей во всей династии Великая Вэнь, удостоившихся чести войти в его

келью ради толкования сутр, можно было пересчитать по пальцам одной руки. Сколько же жертвований на благовоения отвалил этот князь Жуннань?..

Е Мянью невольно снова окинул взглядом стоявшего перед ним ходячего бога богатства.

— Брат Мянью, а вы уже повесили свои молитвенные мешочки? — спросил Лу Личжэн.

— Еще нет, только дерево выбрали. Вот это, — Е Мянью указал на невысокое персиковое дерево справа от себя.

Выбранное им дерево и впрямь выглядело неплохо: пусть и низкое, зато с пышной кроной, а ветви густо усыпали готовые вот-воз распуститься бутоны, что создавало праздничное, радостное настроение.

Лу Личжэн воодушевленно подбежал к соседнему дереву, росшему вплотную к дереву Двора Цижуи, и обратился к князю Жуннаню:

— Брат Чжуан Сюй, давай выберем вот это, рядом? Я хочу повесить свой молитвенный мешочек поближе к мешочку брата Мянью.

Дерево, на которое указывал Лу Личжэн, росло вплотную к дереву ребят из Двора Цижуи. Оно было таким же низким и раскидистым, а их ветви из-за близкого соседства переплелись так тесно, что издали казалось, будто они держатся за руки.

— Это дерево слишком низкое, никуда не годится, — тут же возразил кто-то из Двора Цинань.

— Да, оно уступает даже той сливе, что мы видели раньше.

Чжуан Сюй словно и не слышал чужих возражений. Он просто протянул Лу Личжэну свою табличку из черного дерева с эмблемой академии. Лу Личжэн просиял, взял табличку и повязал ее на ветку.

Ученики из Двора Цинань прикусили языки от досады, но возразить не посмели. Князь Жуннань всегда относился к Лу Личжэну иначе, чем к остальным, ведь тот запросто звал его «братом Чжуан Сюем».

Повязывая свой молитвенный мешочек, Е Мянью принялся объяснять Лу Личжэну:

— Мы выбрали низкое дерево потому, что позже ученицы женской академии будут повязывать ленты своим избранникам. Если ветки окажутся слишком высоко, барышни просто не дотянутся. Нам, мужчинам, подобает быть заботливыми.

Лу Личжэн, приоткрыв рот, озадаченно кивнул. А вот молодые господа из Двора Цинань, которые только что капризничали, мигом отбросили нерешительность и один за другим кинулись искать подходящие ветки, чтобы повязать свои мешочки.

Жуань Юньшэн перевел взгляд с Е Мянью на Лу Личжэна и, приподняв уголок губ, тихонько усмехнулся.

Чтобы выполнить просьбу Лу Личжэна повесить мешочки рядышком, Е Мянью закрепил их там, где переплетались ветви двух деревьев. Лу Личжэн с довольным видом стоял под деревом, любясь висящими бок о бок амулетами, и спросил неподвижно стоявшего в стороне князя Жуннаня:

— Брат Чжуан Сюй, хочешь, я и твой повешу?

Князь Жуннань взглянул на своего слугу. Тот почтительно склонил голову, поспешно передал мешочек Лу Личжэну, и юноша повесил мешочек Чжуан Сюя туда же.

Поскольку Е Мянй заключил пари с Вэй Анъюанем, после скромного постного обеда в храме Куйюань они не стали спешить. Ребята пробыли в храме почти до самого заката, а затем вернулись в усадьбу Таоли.

Смотритель сада даже не удивился — для него это было привычным делом.

Когда Е Мянй с друзьями подошел ближе, они увидели толпу старших братьев-учеников ступени Кунь с коричневыми браслетами из лозы на запястьях. Все они толпились возле двух переплетенных деревьев Двора Цижуй и Двора Цинань, оживленно обсуждая что-то и указывая на них пальцами.

Е Мянй охватило любопытство, но когда он подошел поближе и разглядел все как следует, его глаза округлились от изумления, а следом нахлынули стыд и злость!

— И ты еще уверял, что они повяжут их только старшим братьям-ученикам ступени Кунь? — сквозь зубы процедил Е Мянй, обращаясь к Вэй Анъюаню.

Вэй Анъюань во все глаза смотрел на дерево Двора Цинань, сплошь увешанное развевающимися розовыми лентами, а затем перевел взгляд на соседнее дерево Двора Цижуй, где сиротливо качались всего несколько их мешочков. Он и сам онемел от шока. Конечно, он и не рассчитывал на обилие лент, но чтобы все выглядело настолько жалко!

Два дерева росли так близко друг к другу, что происходящее казалось самой настоящей публичной казнью!

Юноши из Двора Цижуй растерянно переминались с ноги на ногу, сгорая от неловкости и стыда. А старшие братья-ученики ступени Кунь и вовсе готовы были харкать кровью от досады: больше половины розовых лент со всего сада красовалось на низком дереве Двора Цинань! Желторотые ученики ступени Ци умудрились увести у них из-под носа все внимание барышень. С какими лицами им теперь показываться на пирах и приемах?

Всем было известно, что в соседней женской академии пристально следят за каждым шагом Императорской академии Гоцзысюэ. Точно так же и юноши не упускали возможности разузнать и посплетничать о талантливых девицах, которые выделялись своими успехами. Однако все они явно недооценили, какой переполох вызвал приезд Чжуан Сюя в столицу среди учениц. Новенькие всегда привлекали внимание, а Чжуан Сюй ко всему прочему обладал невероятным притяжением. Стоило ему прибыть в столицу, как знатные барышни тут же положили на него глаз. Вскоре его пожаловали титулом князя, даровали земли и угодья, а на днях он еще и занял первые места по всем предметам на декадном экзамене среди учеников ступени Ци. Кем еще он мог быть, если не новым господином Дуаньхуа?

К слову, в свое время вторая молодая мисс Цзян из поместья маркиза Юннань действовала молниеносно, метко и беспощадно, застав врасплох остальных благородных девиц, которые лишь робко вздыхали в сторонке. Теперь она замужем за прекрасным супругом, они живут в любви и согласии, и кто им не завидует? И вот явился новый господин Дуаньхуа, да еще и титулованный князь с собственными землями. Не проявить инициативу сейчас было бы верхом глупости!

Е Мянью не желал мириться с таким положением дел. Он подбежал к деревьям и принялся раздвигать переплетенные ветви. Именно там скопилось больше всего розовых лент — вдруг хоть парочка из них предназначалась Двору Цижуй?

Пока он, задрав голову, увлеченно искал, сзади послышался голос.

— Брат Мянью, что ты там ищешь?

Е Мянью обернулся. Увидев Лу Личжэна и Дуанью Люя из Двора Цинань, он недовольно буркнул:

— Жену себе ищущ! Чего шумите?

Это было чистой воды вымещением злости. Дуанью Люй, сдерживая смех, кашлянул в кулак, а Лу Личжэн почесал затылок и ответил:

— Мы пришли забрать мешочек брата Чжуан Сюя.

— Зачем это?

Дуанью Люй почтительно сложил руки:

— Личные вещи князя Жуннаня не стоит оставлять на виду у всех. Мы повесили его днем лишь ради традиции и привлечения удачи, а теперь пора забрать. Если четвертому молодому господину Е не трудно, не мог бы он снять мешочек князя?

— А, ладно.

Е Мянью безучастно кивнул и повернулся, чтобы снять темно-золотой мешочек Чжуан Сюя. Но стоило ему протянуть руку, как он обнаружил, что его собственный мешочек намертво переплелся с княжеским. Декоративные шнурки обоих амулетов запутались, образовав несколько тугих узлов.

Распутывая узлы, Е Мянью мысленно ворчал: «Наверняка это ветер все растрепал. И зачем только Лу Личжэн повесил их так близко друг к другу?»

Е Мянью долго возился с поднятой головой, у него даже кончик носа вспотел от усердия, но узлы не поддавались. Наконец он повернулся к Ли Чжао:

— Не получается распутать. Дай свой кинжал.

— Ни в коем случае! — поспешно воскликнул Дуанью Люй, останавливая его.

— Да что еще такое? — нетерпеливо зыркнул на него Е Мянью.

Дуанью Люй кашлянул и негромко пояснил:

— Усадьба Таоли — место священное. Разве можно портить молитвенные мешочки лезвием? Божества в храме прогневаются, и на нас падет их кара, а это добром не кончится.